

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

Наукове видання

«МОВА І КУЛЬТУРА»

Випуск 18

Том V (180)

СТАЖАЛЬНИЦІ ВІДКРИТОЇ АРХІВНОСТІ

Київ
2016

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко +08 321

Издательский дом Дмитрия Бураго

«ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

Выпуск 18

Tom V (180)

ЗМІСТ

ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ ТА КОМПАРАТИВІСТИКА

<i>Висоцька Н.О.</i> ТЕКСТИ ТА/АБО КОНТЕКСТИ: ДИНАМІКА АНАЛІТИЧНИХ СТРАТЕГІЙ У ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІЙ ДУМЦІ США.....	11
<i>Гальчук О.В.</i> МІФОПОЕТИКА ЯК МОДУС МЕТАТЕКСТУ АНГЛІЙСЬКОГО НЕОРОМАНТИЗМУ	11
<i>Юдин А.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА АВТОРСТВА В ЛІТЕРАТУРЕ КІЕВСКОЇ РУСІ.....	11
<i>Калашникова О.Л.</i> «ДИАЛОГ С «ЧУЖИМ ТЕКСТОМ» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ (Ф. БЕГБЕДЕР, М. УЭЛЬБЕК, Г.МЮССО).....	11
<i>Кормилов С.И.</i> К ПРОБЛЕМЕ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛІТЕРАТУРЫ: ЭЛЕМЕНТЫ И КАЧЕСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	11
<i>Свенцицкая Э.М.</i> СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ ЛІТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	10
<i>Шеховцова Т.А.</i> «ЧЕЛОВЕК В ПЛАЩЕ»: ОБ ЭВОЛЮЦИИ ОДНОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ТОПОСА	10
<i>Юферева Е.В.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО КАНОНА: ПУТЕВЕ ДІЛЫ А. МИЦКЕВИЧА И ПОЭТОВ 1880-Х ГГ.....	10
<i>Винницька Ю.В.</i> МІФОЛОГІЧНІ СЦЕНАРІЇ В СУЧАСНОМУ ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ: СПРОБА ТИПОЛОГІЗАЦІЇ	10
<i>Морєва Т.Ю.</i> КОНФІГУРАЦІЯ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РАССКАЗЕ А.С. ГРИНА «СЕРЫЙ АВТОМОБІЛЬ»	10
<i>Мурейко А.Б.</i> ТИПОЛОГІЧНА ПОДІБНІСТЬ ХУДОЖНЬОГО ПСИХОЛОГІЗМУ НОВЕЛІСТИКИ ПРОСПЕРА МЕРІМЕ І МИХАЙЛА КОЦЮБИНСЬКОГО	10
<i>Онопрієнко А.Д.</i> МОТИВ «ТУГИ ЖИТТЯ» («ENNUI DE VIVRE») У ПОЕЗІЇ Ш. БОДЛЕРА ТА Ф. СОЛОГУБА	10
<i>Садовська Ю.В.</i> «ТІ, ХТО ЗНИЗУ» У ТВОРАХ ПРО РЕВОЛЮЦІЮ (М. АСУЕЛА, О. ФАДСЕВ)	100
<i>Сподарец Н.В.</i> МИРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЛІТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ОТ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ К АВТОРСКИМ МИРАМ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	106
<i>Чередник Л.А.</i> МИР СЕРВАНТЕСА И МИР БУЛГАКОВА В ПЬЕСЕ «ДОН КИХОТ»	112

ЗАРУБІЖНА ЛІТЕРАТУРА

<i>Степанова А.А.</i> ЖАНР РОМАНА-ИНТЕРВЬЮ В ТВОРЧЕСТВЕ РОМЕНА ГАРИ («НОЧЬ БУДЕТ СПОКОЙНОЙ» КАК ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ БИОГРАФИИ)	118
<i>Індронова Л.Г.</i> ПОЭТИКА ЗАГЛАВІЙ «РІМСКИХ РАССКАЗОВ» АЛЬБЕРТО МОРАВІА	129
<i>Бутевич В.</i> ЗАМІТКИ ПРО ОДИН ВІРШ ЗБІГНЄВА ГЕРБЕРТА У НІЦШЕАНСЬКОМУ КОНТЕКСТІ	137
<i>Лимітровська В.В.</i> АРХЕТИПНІ ОБРАЗИ КАЗКИ ПРО СИНЮ БОРОДУ У ДОБУ МОДЕРНІЗМУ	144
<i>Сотушенко С.О.</i> ПОСТКОЛОНАЛЬНІ ОБРАЗИ СХОДУ У ТВОРАХ АНГЛО-ІНДІЙСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ	152
<i>Колісниченко А.В.</i> МІФІЧНИЙ СИНКРЕТИЗМ ХУДОЖНЬОГО ПРОСТОРУ ПОЕМИ ГАРТА КРЕЙНА «МІСТ»	158
<i>Krapivnyk G.</i> THE IMAGE OF THE VICTIM IN DETECTIVE STORY “A SCANDAL IN BOHEMIA” BY SIR A.C. DOYLE	166

РУССКАЯ ЛІТЕРАТУРА

<i>Анненкова Е.С.</i> «МОЙ СЧАСТЛИВЫЙ КИЕВ»: ОБРАЗ КИЕВА В ПРОЗЕ ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ	172
<i>Бубенок О.Б.</i> ОБРАЗ ХАЗАР В ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»	179
<i>Лербенёва Л.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНА В ИСТОРИКО-ЛІТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦІЇ П.Д. БОБОРЫКІНА	189
<i>Ильинская Н.И.</i> ДЕМИФОЛОГІЗАЦІЯ МАССОВОГО СОЗНАНІЯ В ПОЭЗІЇ РУССКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА	195
<i>Корниенко О.А.</i> ИГРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО (О «ШАХМАТНОМ КОДЕ» В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЯ)	202
<i>Мусий В.Б.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В РАССКАЗЕ А.С. ГРИНА «НОЧЬЮ И ДНЕМ»	213
<i>Сакрэ Н.В.</i> ОТ ОДОЕВСКОГО К ЧЕХОВУ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ВРАЧА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ГРЕБЕНКИ «ДОКТОР» КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА	220

Гальчук О.В. д. филол. наук, доцент
Киевский университет имени Бориса Гринченко, Киев

МИФОПОЭТИКА КАК МОДУС МЕТАТЕКСТА АНГЛИЙСКОГО НЕОРОМАНТИЗМА

В статье проанализированы стратегии мифотворчества в текстах таких английских неоромантиков, как Р. Л. Стивенсон, Р. Киплинг и Г. Веллс. Определено, что для метатекста английского неоромантизма характерно создание собственной оригинальной мифологической системы; воспроизведение глубинных мифо-синкреметических структур мышления; реконструкция или осовременивания традиционных мифологических сюжетов; возрождение фольклорных и этических текстов национального бытия и сознания; ориентация на архетипные элементы бытия.

Ключевые слова: Роберт Луис Стивенсон, Редьярд Киплинг, Герберт Уэллс, мифопоэтика, неоромантизм, метатекст, архетип, мифотворчество.

GALCHUK O. MYTHOPOETICS AS MODUS OF METATEXT OF ENGLISH NEO-ROMANTICISM

The article analyzes strategies of myth creating in the texts of such English neo-romanticists as R.L. Stevenson, R. Kipling and H. G. Wells. It was determined that for them a text of English neo-romanticism is typical to create its own original mythological system; to reproduce deep mytho-syncretic structures of thinking; to reconstruct or modernize traditional mythological plots; to revive folk and ethical texts of national existence and consciousness; the focus is on archetypal elements of life.

Keywords: Robert Louis Stevenson, Rudyard Kipling, Herbert Wells, mythopoetics, neoromanticism, metatext, archetype, mythcreation.

УДК 82.0 [821.161.2]

Юдин А., канд. филол. наук
Киев, НПУ им. М.П. Драгоманова, Киев

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА АВТОРСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Статья посвящена формированию института авторства в литературе Киевской Руси. Анализируются культурные условия легитимной фиксации собственного имени автора и отличия киеворусского института авторства от античного, ближневосточного и средневекового западноевропейского.

Ключевые слова: институт авторства, исторический подход, имя автора, легитимизация авторства.

© Юдин А., 2016

Начало историческому изучению феномена авторства было положено в 20-х годах XVII века работами английских исследователей о профессионализации писательства в Англии XVII-XVIII вв. Однако настоящий расцвет изучения авторства как культурного и социального явления начался в 80-х благодаря импульсу, полученному от идей Ф. Шелера. С тех пор в западном литературоведении накопился значительный объем исследований, в которых прописана история формирования авторства в современном смысле со Средневековья. Более всего посчастливилось здесь таким периодам, как элитарная Англия, т.е. эпоха профессионализации писательства, и период романтизма XIX в., когда профессия писателя получает престижный социальный статус, утверждается современное понимания авторства и формируется автороцентристическое литературоведение. Не остались без внимания исследователей также Средневековье и период XVII-XVIII вв. Тем не менее английский теоретик и историк литературы Эндрю Беннетт в своей монографии «Автор», которая подводит итоги этих исследований, резюмирует: «Нетрудно авторства еще предстоит написать» [22: 31].

Нарочем, точнее было бы говорить не об истории, а об *историях* авторства. Если критический подход к авторству развивался как критическое преодоление универсальности понятия автора, т.е. представления о том, что понятие автора во все исторические эпохи и при всех исторических обстоятельства имело один и тот же смысл, то в свою очередь углубление исторического подхода ведет к отказу от той мысли, что история института авторства в западной литературной традиции (античной, а затем западноевропейской христианской культурах, в рамках которой сформировалось понятие автора и связанные с ним герменевтические процедуры толкования и теоретико-литературные методы анализа текста) является единственно возможной или по крайней мере универсальной моделью возникновения и формирования института авторства.

Литература Киевской Руси находится среди тех литературных традиций (средневековые литературы Дальнего Востока и Ближнего Востока), где этот процесс имеет существенные отличия от формирования авторства в западной литературной традиции и происходит на иных основаниях. Уместно вспомнить замечание Е. М. Мелешко о средневековой литературе как «привилегированном объекте типологической германистики», так как «литературы различных регионов в этот период относительно независимы друг от друга, развиваются равномерно и потому сравнимы между собой безо всяких ограничений и оговорок» [13: 76].

В этом смысле литература Киевской Руси (и вырастающие из нее литературные традиции) представляет собой интересный феномен для одной из других историй авторства, т.е. формирования института авторства как постепенного образования практики именования имени автора тексту и функционирования последнего под этим именем.

И хотя процесс формирования института авторства в этой литературной традиции не было завершено силой собственной логики (это произошло в силу внешнего влияния) и можно говорить только о его предпосылках, тем не менее их своеобразие делает его самостоятельной отдельной главы во всеобщей истории авторства.

Проблема автора перед исследователями литературы Киевской Руси стояла с самого начала ее изучения, однако как проблема практическая, т.е. задача атрибуции конкретных произведений. Но постановка теоретической проблемы в смысле необходимости уточнения содержания самого понятия автора относительно произведений этой литературы

состоялась значительно позднее. Начало изучению вопроса на теоретическом уровне было положено Д. С. Лихачевым¹, который первым сформулировал ряд положений относительно авторства в литературе Киевской Руси, по нашему мнению, сохраняющих свое научное значение. Главная заслуга Лихачева, как мы считаем, состоит в том, что он определил тип авторства в рамках периода XI–XVII вв., рассматривая его в значительной степени как культурный феномен (т.е. не только с точки зрения «образа автора» в тексте, но и с точки зрения на литературу как культурную практику в связи с внелитературными функциями). Иными словами, это близко к пониманию авторства как культурного института. Однако, во-первых, это понятие берется слишком общо, как единый тип для всего этого многовекового периода (исторические изменения Лихачев отмечает только в отношении XVII в.). Во-вторых, описание строится на сравнении особенностей древнего авторства с развитым понятием авторства как определенной нормой. Без такого сравнения, разумеется, изучение особенностей авторства в древней литературе вообще невозможно. Однако для более точного понимания своеобразия института авторства в литературе Киевской Руси целесообразнее исходить не только из развитого понятия авторства, но и учитывать историю формирования авторства (условия его возникновения и разные этапы развития в античной и западноевропейской литературной традиции).

Впоследствии древний автор становится предметом рассмотрения многих исследователей, но по большей части в отношении отдельных произведений или творчества конкретных писателей. В качестве важной вехи в дальнейшей историзации проблем нужно отметить статью П. В. Билоуса «Русский автор» [3, 355–368], поскольку исследователь сузил рамки вопроса до границ феномена авторства в литературе периода Киевской Руси. Однако главная задача исследователя – отрицание устойчивого представления о средневековом авторе как лишенном индивидуальности (в частности, критика концепции Лихачева). Ряд интересных соображений, которые косвенно касаются феномена авторства, сформулированы ученым также в его статье «Парадоксы киеворусской литературной жизни» [3: 335–350], где литература Киевской Руси впервые рассматривается в плане особенностей культурной практики, или, можно было бы сказать, как «литературы» (П. Бурдье).

Кажется, единственная монография, специально посвященная этой теме, – «Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.)» Е. Л. Конявской [7]. Работа в значительной мере выступает как итоговая в отношении множества исследований по отдельным писателям. Присутствует здесь и эволюционный подход, поскольку внутри рассматриваемого отрезка времени различаются еще два: с XI по первую половину XIII в. и со второй половины XIII по середину XV в., т.е. по сути литература Киевской Руси выделяется как отдельный период. Однако основной подход здесь не полевой, т.е. не к литературе как культурной практике, а избирательный – по персоналиям и жанрам. Исследовательница ставит перед собой задачу – разгадать «загадку древнерусского автора», который прячет за традицией и каноном «не только свое имя, но и субъективно-индивидуальное “я”». Иными словами, Конявская постулирует уже существующую

¹ Прежде всего это статьи «Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы» [10], «Литературный этикет древней Руси» [12] (обе 1961 года), а также отдельные места в монографиях «Великое наследие» (1975) и «Поэтика древнерусской литературы» (1979) некоторых других работах.

«загадку», сознательно приглушаемое автором, тогда как последовательный исторический подход с точки зрения института авторства ставит перед собой задачу исследовать именно возникновение этого «я», точнее, речь идет о том, чтобы зафиксировать, почему это позволяет исторический материал, условия его рождения, раскрыть легитимное поле его появления.

Ниже института авторства предполагает описание отношений и взаимодействий в литературе вокруг фигуры писателя. В данной статье, ограничиваясь периодом XI – середина XII вв., т.е. периодом становления оригинальной литературы Киевской Руси, мы попытаемся некоторые предпосылки формирования в ней института авторства, а именно: исторические основания фиксации авторского имени и поле литературной коммуникации, границы литературного сообщества, в рамках которого мыслит себя писатель.

Литература Киевской Руси не является автохтонной, т.е. возникает не через самоизменение, а в значительной мере как заимствование культурный институт – в результате перевода текстов чужой литературной традиции и наследования им (по меткому выражению П. Билоуса, «не из собственных корней, а пересаженных») [3: 335]). Сам этот процесс заимствования происходит также скорее в силу не столько общественных культурных потребностей, сколько культурных потребностей государства.

Однако подключение к чужой литературной традиции приводит к формированию оригинальной литературной ситуации². Причем ее оригинальность касается среди прочего сферы авторства. Несмотря на усвоение чужой литературы, заимствование символов, ориентацию на ее литературные образцы, не приходится говорить о заимствовании института авторства.

Если византийская литература вырастает на почве античной и, следовательно, на основе развитой авторской культуры, которая претерпевает трансформацию под воздействием новой христианской идеологии (и, в конечном счете, принципиально иной литературной традиции), то литература Киевской Руси воспринимает лишь частично эту трансформированную литературную традицию, оставляя «без внимания» развитую античную культуру. В частности, принципиальным отличием литературной ситуации Киевской Руси является отсутствие самосознания в виде филологии и критики текста, что является один из важнейших факторов фиксации авторства.

Такой отсчет для киеворусской (термин П. В. Билоуса) литературной традиции лежит на Священное Писание. У греческой литературе (и в целом западной литературной традиции) – это Гомер, который предстает одновременно и как недостижимый образец подражания, но и как соперник, с которым вступают в соревнование. (Именно соревновательное начало лежит в основе формирования института авторства в Греции.) Это соревнование-вызов. Писание же как первичный текст делает невозможным соревнование с ним и оставляет возможность только для наследования, а скорее даже только для ссылки на него с целью легитимизации. Двойное опосредование (через две культуры), вероятно, только увеличивает гигантскую и непреодолимую дистанцию между первичным автором и русским писателем. Отсюда и происходит то, что можно также назвать «авторской стыдливостью», характерная черта «литературного этикета» (по Д. С. Лихачеву) в

² О «редуцированном» восприятии византийской «культуры-донатора» в культуре Древней Руси подробно рассмотрен см.: Живов.

литературе Киевской Руси, которая проявляется, например, в формулах самоуничижения русской «автора».

Впрочем, это не означает господства анонимности в литературе Киевской. Тут принципиальной установки на скрытие собственного имени автора, но нет и заботы его обязательной фиксации, об обязательной связи между именем и текстом, тем более об увековечении своего имени в потомках. Имеется в виду, что эта забота не является общественной привычкой. *Произведение не требует имени автора для своего функционирования.*

Однако это не исключает фиксации имени писателя, что, впрочем, имеет нерегулярный характер. Имена писателей Киевской Руси доходят до нас или в виде «подписей» (начальных или конечных), или в том случае, когда они внесены в сам текст. Так, в некоторых случаях именно «подписи» служат главным основанием для атрибуции, к примеру, относительно таких произведений, как «Слово о Законе и Благодати» «Память и похвала князю Владимиру» или «Повесть временных лет». При этом в отрывке из «Слова» подписи имеются лишь в некоторых списках [17: 42-43], тогда как в случае «Памяти и похвалы» подпись не свидетельствует о принадлежности произведения Якову Мниху [4; 19: 35-40]. Но сама эта нерегулярная практика передачи имени автора традицией – особенно в том случае, если он не является автором – свидетельствует о потребности, но о некоторой факультативной легитимности фиксации имени автора.

Так, атрибуция «Слова о Законе и Благодати» стала возможной благодаря тому, что в некоторых списках (в частности, в рукописи Синодального собрания, по которой и было осуществлена первая публикация) вслед за «Словом» идет «Исповедание веры», подписанное пресвитером Иоанном [14: 86].

Дискуссия в отношении авторства «Повести временных лет» имеет долгую историю и еще не завершена, как о том свидетельствуют новые исследования [19]. Однако интересует только сам факт «подписи», имеющейся опять же только в одном списке Лаврентьевском: «Игумень Силивестр святаго Михаила написаъ книги си Лѣтопись надѣяся от бoga милость прияти, при князе Володимерѣ, княжащу ему Кыевѣ, а мne въ время игуменѧ ѿ святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже четьре книги сия, буди ми в молитвах». [16: 188].

Итак, в обоих случаях основным мотивом, побуждающим древнего книжника фиксировать свое имя, или его читателей и переписчиков – воспроизвести «подпись», является просьба помолиться за него.

Тот же мотив встречается в авторских признаниях Нестора, автора двух житий, который подробно говорит о том, что побудило его взяться за написание произведения и вносит свое имя в текст. В «Чтении о житии и погребении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» он прямо просит вспомнить его: «Молю же вы и почитающа, да люб ради Божия въспоминаите мя и глаголите: «Боже, молитвами преблаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба, очисти грѣхи списавшего си». Некли вы оставление грѣхов получи благодатию и щедротами, человеколюбiemъ Господа нашего Иисуса Христа...» [6: 26-28].

¹ Существовала также практика «псевдонимов», т.е. ложного присвоения оригинальным русским текстам имени авторитетных авторов: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Кирилла Философа [см.: 18].

Во втором написанном им житии («Житие Феодосия Печерского») эта формула существует, но Нестор начинает произведение сразу с идентификации себя как автора жития. При этом свои подробные пояснения мотивов, побудивших его взяться за написание жития, он также подытоживает мотивом заботы о душе, только речь идет уже о заботе читателей: «Си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ съписати хощю, и о сихъ съливнѣ, мѣзы отданіе приимете» [20: 73].

Наконец, подобный мотив присутствует также в «Поучении Владимира Мономаха», в его письме к брату Олегу Святославовичу, которое в Лаврентьевском списку «Повести временных лет» следует за «Поучением»: «Не по нужи ти молвлю, ни бѣда авторя по Бозѣ, сам усъшишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего» [16: 106].

Таким образом, мотивизация имени автора как первичное проявление института авторства в литературе Киевской Руси основывается на принципе помянника, т.е. подобен внесению имени в помянник для молитвы за душу автора.

Таким образом, первичные основания фиксации авторства в литературе Киевской Руси принципиально отличаются от таковых в античной литературе (и последующей западной литературной традиции), где авторство вырастает на соревновательной основе [21: 111] и опирается на принцип славы как посмертного увековечения своего имени [2: 50]. При этом своеобразие института авторства, описанного С. С. Аверинцевым с помощью определения авторства и авторитета касательно древнегреческой литературы и ближневосточных (библейской) словесности [1: 76-100]. В последней имя, которое присваивается тексту, фигурирует как имя поручителя, которое в свою очередь производно от поручительства Бога общине. Индивид, с именем которого связывается книга, выступает избранником и словами Бога. В отличие от этого русский автор отделен от первоисточника двойным литературным опосредованием, как уже было сказано, и противостоит и Богу, и традиции как индивид. И в постоянном обращении: «Господи, благослови!», – с которого начинаются произведения киеворусской литературы, можно видеть как раз проявление сознания индивидуальной инициативы в литературном начинании.

Следует добавить, что институт авторства в литературе Киевской Руси также далек от западной модели как иерархии авторитетов [15: 74-75; 9: 521-522]. Древнерусский автор легитимизирует свою литературную инициативу не через ссылку на авторитеты, а непосредственно наедине с Богом, и индивидуализирует ее не через поиск себе места среди *ancestors*, а путем внесения своего имени в помянник.

Это дает основания говорить о том, что этот мотив стал основой для дальнейшего развития института авторства в отечественной литературной традиции, так сказать, вовлеченный в ее генетический код.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.;
- 2 Ассман А. Простори спогаду: Formи та трансформації культурної пам'яті. – К.: Ніка-центр, 2012. – 440 с.;

3. Білоус П.В. Літературна медіевістика. Вибрані студії: У 3-х томах. – Т.1: Зародження української літератури: Монографія. – Житомир, 2011. – 376 с.;
4. Бугославский С.А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // Известия Отделения русского языка и словесности Российской АН. – Л.: 1929. – Т. 29. – С. 105–131;
5. Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2002. – С. 73–115.
6. Житія святихъ мучениковъ Бориса и Глѣба и службы им / подготовил к печати Д.И.Абрамович. – Петроградъ: Типографія Императорской академии наукъ, 1916. – 206 с.;
7. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 199 с.;
8. Копреева Т.Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – Т. 27. – С. 94–108.
9. Курціус Е.Р. Європейська література і латинське середньовіччя / Е. Р. Курціус; переклад з нім. Анатолій Онишко. – Львів: Літопис, 2007. – 752 с.;
10. Лихачев Д.С. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 17. – С. 17–41;
11. Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 406 с.;
12. Лихачев Д.С. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // Труды Отдела древнерусской. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 17. – С. 5–16.
13. Мелетинский Е.М. Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы (Запад/Восток) // Литература и искусство в системе культуры / Сост. Г. Б. Князевская. – М.: Наука, 1988. – С. 76–88.
14. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I / [публикация и вступительная статья А. В. Горского]. – Москва : в типографии Августа Семена, 1844. – 91 с.;
15. Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре Средневековья. – Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. – С. 49–78;
16. Повесть временных лет. – СПб.: Наука, 1996. – 670 с.;
17. Розов Н.Н. Рукописная традиция «Слова о Законе и Благодати» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 17. – С. 42–53.;
18. Сухомлинов М.И. О псевдонимах в древней русской словесности // Исследование по древней русской литературе: Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. 85. – № 1. – Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1908. – С. 442–493.
19. Толочко А.П. Очерки начальной руси / Алексей Толочко. – Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. – 336 с.;
20. Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1971. – 757 с.;

Відін О. Авторство як культурний інститут: стратегії авторизації в художньому та літературознавчому дискурсах. – К.: Ніка-центр, 2015. – 324 с.;
Bennett A. The Author / Andrew Bennett. – London & New York: Routledge, 2005. – 160 р.

Відін О., канд. філол. наук

ІІІУ им. М.П.Драгоманова, Київ

ФОРМУВАННЯ ІНСТИТУТУ АВТОРСТВА ЛІТЕРАТУРІ КІЇВСЬКОЇ РУСІ

Стаття присвячена формуванню інституту авторства в літературі Київської Русі. Аналізуються культурні умови легітимної фіксації власного імені автора та відмінність киеворуського інституту авторства від античного, близькосхідного та середнього західноєвропейського.

Ключові слова: інститут авторства, історичний підхід, ім'я автора, легітимізація

Vudin A., PhD

National Dragomanov Pedagogical University, Kyiv

THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF AUTHORSHIP IN THE LITERATURE OF KIEVAN RUS'

The article is devoted to the formation of the authorship institute in the literature of Kievan Rus'. It analyzes the cultural conditions of legitimate fixation of author's name, the formation of the general field of literary communication, and also the distinctive features of Kievan Rus' authorship institute in comparison with the ancient Greek, Near-Eastern and medieval Western European ones.

Key words: authorship institute, historical approach, author's name, legitimization of the author

«ДИАЛОГ С «ЧУЖИМ ТЕКСТОМ» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ (Ф. БЕГБЕДЕР, М. УЭЛЬБЕК, Г.МЮССО)

Статье рассматривается диалог с «чужим текстом» как важная черта поэтики современного французского романа, развивающегося в русле мультимедийного постмодернистского художественного мышления. Обозначен круг «чужих текстов», формирующих художественное пространство романов Ф.Бегбедера, М. Уэльбека и Мюссо, различный и по выбору сферы происхождения претекстов, и по форме их претекстации в романах; показана обусловленность способа организации интермедиального

© Каланикова О.Л., 2016